

П.Л. Лавров

**Народники-пропагандисты
1873-1878 годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Л. Лавров**
Народники-пропагандисты 1873-1878 годов / П.Л. Лавров – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 320 с.

ISBN 978-5-458-08683-7

ISBN 978-5-458-08683-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1. До 1873 года *).

Характеристическою чертой нашего времени, приходится признать развитие и распространение социализма. Всѣ области человѣческой мысли и культуры, въ про-

*) Матеріалы, которыми я пользовался цитированы слѣдующимъ образомъ:

„Обвинительный актъ по дѣлу о преступной пропагандѣ“ по процессу 193; вырѣзки изъ газетъ—„Обв.“

Періодическія изданія: „Колоколь“—„Кол.“; „Народное Дѣло“—„Нар. Д.“ Для „Впередь!“ цитаты, относящіяся къ томамъ неперіодическаго сборника, обозначены римскими цифрами порядка томовъ; отдѣлы второй („Что дѣлается на роднѣ?“) обозначены буквою А.; отдѣлы третій („Лѣтопись рабочаго движенія“) буквою В.; цитаты изъ двухдѣльной газеты—арабскими цифрами № послѣдней. Слѣдующее за тѣмъ число указываетъ страницу отдѣла тома или столбецъ газеты. Для изданій бакунистовъ „Наука и насущное революціонное дѣло“ (1870)—„Наука“; „Государственность и анархія“ (1873)—„Гос. и ан.“; прибавленія къ этому тому—„Пр.“; „Историческое развитие Интернаціонала“—„Ист. р.“. Для якобинскихъ изданій—„Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“ (1874)—„Зад.“ (отвѣтъ на это „Русской социально революціонной молодежи“ (1874)—„Рев. Мол.“); „Набатъ“—„Наб.“ (съ указаніемъ номера); „араторы бунтовщики передъ русской революціей“—„Ор.“; „Анархія Мысли“—„Ан.“;—„Революціонная расправа“—„Р. Р.“; „Община“—„Общ.“ (съ указаніемъ номера). „Вѣстникъ Народной Воли“—„В. Н. В.“ (съ указаніемъ тома и стр.—Это изданіе—„Мат.“ и „Съ Р.“ (съ указаніемъ выпуска и страницы).

Брошюры и отдѣльныя изданія кромѣ только-что упомянутыхъ: *Тихомировъ*; „Conspirateus et poſiceus“ (1887)—„Consp“; *С. Степнякъ*: „Подпольная Россія“—„Под. Р.“; „Воспоминанія“ *Вл. Деборюи-Мокрѣвича*“ (1894)—„Восп.“; „Календарь Народной Воли“ (1883)—„Кал.“; „Процессъ пятидесяти“ (1877)—„Пр. 50“; „Софья Иларіоновна Бардина“ (1883)—„Бардъ“; „На роднѣ“ № 1—3 (1882—83)—„Па Р.“ (съ указаніемъ номера). Газету „Работникъ“, не смотря на всѣ старанія, я достать не могъ. Такъ какъ она была бы особенно полезна для главы 4, то я обращаюсь печатно къ читателямъ, прося ихъ, если будетъ возможно, доставить мнѣ ее на самое короткое время.

цессъ рѣшенія своихъ социальныхъ задачъ, обусловлены теперь социальнымъ вопросомъ въ его общихъ чертахъ и въ тѣхъ особенностяхъ, которыя социальный вопросъ получаетъ въ каждой странѣ подъ вліяніемъ ея предшествующей исторіи. Всѣ крупныя событія жизни народовъ, въ наше время совершающіяся подъ какимъ бы-то ни было вліяніемъ, окрашиваются неизбѣжно тѣмъ обстоятельствомъ, что эти событія совершаются въ средѣ, въ которой пробудилось и съ каждымъ годомъ все болѣе устанавливается сознаніе противоположенія классовыхъ интересовъ рабочихъ и обладателей орудіями труда, и невозможности устранить борьбу этихъ классовъ ни государственными, ни національными, ни какими-либо идейными соображеніями. Едва ли можно понять надлежащимъ образомъ, какое либо современное явленіе въ любой области мысли и жизни, не усвоивъ его болѣе близкаго или болѣе отдаленнаго отношенія къ социальному вопросу.

Здѣсь сдѣлана попытка сгруппировать матеріалы для очерка эпохи, характеризованной для Россіи именно тѣмъ, что въ русской молодой интеллигенціи задачи прогресса для Россіи уяснились по ихъ отношенію къ принципамъ социализма въ его новѣйшей формѣ, именно въ формѣ классового противоположенія представителей труда и представителей капитала.

Эти задачи прогресса для Россіи стали съ фатальною необходимостью передъ русскою интеллигенціей съ тѣхъ самыхъ поръ, когда въ ней, какъ во всякой исторической интеллигенціи, проснулась жажда развитія. Онѣ приняли характеръ съ той эпохи, когда русская интеллигенція сознала себя, какъ элементъ цивилизационнаго теченія, общеевропейскаго, человѣческаго. Этотъ опредѣленный характеръ задачи прогресса сохранили для русской интеллигенціи, съ перваго момента своей постановки до настоящей минуты; но въ этотъ промежутокъ времени онѣ уяснились лишь постепенно и могли окончательно уясниться, какъ задачи рабочаго социализма, только въ послѣднія три десятилѣтія.

Для русской интеллигенции 70-х годовъ осталась на первомъ планѣ культурная роль, принятая ею на себя съ конца XVII-го вѣка—быть посредницею между процессомъ работы научной, нравственной и философской мысли передовыхъ борцовъ челоуѣчества, и многомилліонными массами русскаго народа. Московское царство при своемъ переходѣ въ бюрократически-полицейскую петербургскую имперію, оставило эти массы, чуть ли не во всѣхъ ихъ слояхъ, по отношенію къ мысли и культурѣ, при самыхъ смутныхъ противонаучныхъ воззрѣніяхъ византійской схоластики, при самыхъ деморализующихъ привычкахъ къ восточной политической и общественной обрядности, при религиозныхъ переживаніяхъ въ самой безжизненной ихъ формѣ *). Пробужденная къ новой жизни притокомъ научныхъ и политическихъ идей, русская передовая интеллигенція была охвачена въ началѣ петербургскаго періода иллюзією, что только что упомянутую культурную роль она можетъ играть вмѣстѣ съ правительствомъ, при его энергичномъ содѣйствіи. Но ей скоро пришлось въ этомъ разувѣриться. Она могла сдѣлаться культурною силою для прогресса родины лишь дѣйствуя независимо отъ полицейско-бюрократической власти, дѣйствуя *противъ* послѣдней. И она приняла на себя эту историческую роль. Самымъ блестящимъ образомъ и вполне сознательно выполнила ее въ особенности русская интеллигенція 40 хъ годовъ XIX вѣка проповѣдью гуманныхъ идей; затѣмъ ея преемники 50-хъ и 60-хъ годовъ проповѣдью научно-философскаго міросозерцанія въ его самыхъ передовыхъ формахъ, устраняя всѣ фантастическія созданія религиозной фантазіи и всѣ метафизическія увлеченія, еще оказывавшія сильное вліяніе на интеллигенцію 30-хъ годовъ. Эти поколѣнія создали въ Россіи умственную атмосферу, которая выработала въ ихъ лучшихъ представителяхъ неразрывную связь двухъ великихъ принциповъ челоуѣческаго развитія: принципа научной критики и принципа самоотверженнаго служенія идеѣ. Она дала возможность по-

*) Ср. между прочимъ статью А. Н. Пытина въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1894 годъ, и въ слѣдующихъ.

слѣдующему поколѣнію, оставаясь по необходимымъ условіямъ русскаго политическаго строя на почвѣ идейнаго социализма, тѣмъ не менѣе оказаться воспримчивымъ къ этому социализму въ его научныхъ формахъ. Требования научной критики были такъ-же прочно усвоены поколѣніями Герценовъ, Грановскихъ, Бакуниныхъ, а затѣмъ Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ, какъ и требованія служенія общественному благу. Реалистическая русская беллестистика была въ то же время проникнута идейными силами. Материалистическое пониманіе природы не мѣшало Герценамъ писать „Кто виноватъ?“ и „Съ того берега“. У развитыхъ русскихъ людей установилось убѣжденіе, что для нихъ научно-философское міросозерцаніе нераздѣльно отъ стремленія осуществить передовые идеалы личной и общественной нравственности; нераздѣльно отъ борьбы за рациональныя формы общественныхъ отношеній, за справедливѣйшій общественный строй. Однако лишь къ 70-мъ годамъ приходится, можетъ быть, отнести усвоеніе передовою русскою интеллигенцію болѣе опредѣленнаго убѣжденія, что это осуществленіе, эти формы, этотъ строй могутъ имѣть мѣсто лишь путемъ торжества социалистическихъ принциповъ, путемъ побѣды организующейся арміи труда надъ арміей обладателей и охранителей капитала. Гуманная проповѣдь идеалистовъ борцовъ за эмансипацію крестьянина и женщины, индивидуалистическое изученіе природы, проповѣдь материалистовъ-нигилистовъ базаровскаго пошиба, находившихся преимущественно подъ влияніемъ Писарева, развилось лишь въ эту эпоху въ реалистическую проповѣдь движенія въ народъ. Это движеніе проповѣдывали во имя обязанности заплатить долгъ этому народу, лежащій на интеллигенціи; во имя обязанности послѣдней вызвать въ русскомъ работникѣ, въ русскомъ крестьянинѣ, то самое сознательное отношеніе къ міру и къ общественнымъ задачамъ, которое создавала на западѣ армію „пролетаріата всѣхъ странъ“. На нашей родинѣ слѣдовало возникнуть и организоваться, какъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, классу рабочему, который созналъ-бы свое необходимое противоположеніе всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ, а въ то же время свое право и свою обязанность погло-

тить всё прочие классы. Культурная роль русской интеллигенции по отношению ея къ народу не только не понизилась, но уяснилась для нея болѣе опредѣленно, когда эта интеллигенція стала интеллигенціею социалистическою. Для русской интеллигенции осталась точно такъ-же на первомъ планѣ задача отвоевать у абсолютизма ту политическую свободу, которую въ большей или меньшей степени уже отвоевали себѣ во второй половинѣ XIX вѣка народы всѣхъ цивилизованныхъ странъ міра. Создавая бюрократическо - полицейскую имперію по европейскимъ образцамъ начала XVIII-го вѣка, Петръ I не могъ устранить неизбежнаго послѣдствія, что, вмѣстѣ съ бюрократическо - полицейскими формами, новая европейская культура вносила въ Россію и всё тѣ политическія задачи, всю ту борьбу за власть между классами, сословіями и группами, которая составляла главную ткань внѣшнихъ событій европейской исторіи послѣднихъ вѣковъ. Немного лѣтъ прошло со смерти Петра I, когда Ягужинскіе уже говорили: «Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли», а Дм. Мих. Голицыны предлагали императрицамъ «пункты» *). XVIII вѣкъ еще не кончился, когда подѣ формалистикой франмасонства представители интеллигенции пытались собственною инициативою, устраняя всякое правительственное содѣйствіе, создавать просвѣтительные центры и теченія въ русскомъ обществѣ и вызывали этими самими стремленіями къ общественной инициативѣ жестокое преслѣдованіе со стороны пріятельницы Вольтера и Дидро **). Но эти «пункты» верховниковъ и эти «требованія воли», о которыхъ они мечтали, имѣли въ виду лишь интересы небольшого меньшинства, для самыхъ крайнихъ лишь права «шляхетства», подѣ которымъ стонали миллионы крѣпостныхъ. Просвѣтительныя мечты Новикова и его пріятелей стояли въ прямомъ противурѣчій и съ существующимъ закрѣпощеніемъ этихъ миллионновъ и съ требованіями научнаго міросозерцанія, которое одно имѣло будущность въ челоѣчествѣ. И вотъ

*) Ср. *И. Миллюковъ*: „Попытки государственныхъ реформъ при воцареніи Императрицы Анны Ивановны,“ 8.

***) См. статью *Якушкина* о „Новиковѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ.“

задача «свободы» въ XIX-мъ вѣкѣ уже неизбежно усложняется: рядомъ съ проектомъ «конституціи» у декабристовъ стоитъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Въ «Союзахъ благоденствія» толкують о «язвѣ крѣпостного состоянія», выставляются проекты «сдѣлать поземельную собственность нѣкоторымъ образомъ общою всѣмъ». Соціальная задача юридической эмансипаціи народа становится однимъ изъ догматовъ политическаго либерализма *). Эта задача выступаетъ на первый планъ для представителей гуманнхъ идей въ эпоху капральства Николая I. Она для нихъ заслоняетъ даже задачу прямой борьбы съ абсолютизмомъ. Противъ крѣпостничества Тургеневъ произносилъ свою «Аннибалову клятву».

Противъ него идетъ агитація во всей либеральной литературѣ. Петрашевцы заявляютъ, что «не имѣли умысла на бунтъ» и ставятъ настоятельными требованіями лишь «уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласнаго судопроизводства и дарованіе свободы слова».

Когда Александръ II приступаетъ, подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія, къ эмансипаціи крестьянъ, даже самые независимые заграничные агитаторы восклицаютъ: „Ты побѣдилъ Галилеянина“, и высказываютъ готовность итти не за «Пугачевымъ», не за «Пестелемъ», а за «Романовымъ». Но освобоженіе крестьянъ — соціальный элементъ программы русскихъ либераловъ 50-хъ годовъ — не предполагало еще никакого социалистическаго взгляда на общественныя задачи (какъ оно не предполагало этого и въ другихъ странахъ, гдѣ это самое освобоженіе скрывало сознанный или несознанный мотивъ способствованія образованію класса *свободныхъ* пролетаріевъ для мануфактуръ и фабрикъ капиталистовъ, не обладавшихъ крѣпостными, подобно землевладѣльческой аристократіи). Это было лишь минимальное идейное

*) О декабристахъ, какъ предшественникахъ позднѣйшей революціонной интеллигенціи въ политическихъ, а отчасти и соціальныхъ задачахъ, имѣется въ виду дать специальную статью (А. З). Намъ доставлена по этому предмету очень интересная работа, но она, по своему объему, далеко превосходитъ размѣры того, что мы можемъ напечатать и поэтому требуетъ, по необходимости, переработки.

условіе, безъ котораго не имѣли никакого смысла, ни соціалистическая пропаганда русскихъ сен-симонистовъ и фурьеристовъ, ни практическое приложеніе къ общественнымъ задачамъ философскихъ построекъ русскихъ шеллингистовъ и гегельянцевъ, ни даже нравственная задача сторонниковъ гуманныхъ идей въ литературѣ и жизни.

Но вотъ это условіе выполнено. Новая пореформенная Россія встаетъ передъ глазами новаго поколѣнія развитыхъ людей, съ ея раззореніемъ крестьянина, съ его хроническимъ голоданіемъ, и, слѣдовательно, съ неотложнымъ экономическимъ вопросомъ: чей трудъ создалъ всѣ богатства и какая часть ихъ приходится на долю того, кто ихъ создалъ? Тогда только воскресаетъ въ новомъ видѣ задача «побольше воли», какъ задача воли для *всѣхъ* русскихъ и притомъ, такой «воли», которая была бы и экономической эмансипаціею для трудящихся массъ. Появляется подпольная литература листовъ и прокламаций «Молодой Россіи» въ связи съ волненіемъ университетовъ. Организуется чисто политическое тайное общество «Земля и Воля», начала 60 годовъ, цѣль котораго была формулирована слѣдующимъ образомъ людьми, которые должны были хорошо знать дѣло *).

«Оно столько же стремилось къ самосозванному Народному Собранію, сколько хотѣло помѣшать возможной случайности созванія правительствомъ оффиціального земскаго, т. е. дарованія какой-либо непристойной конституціи... Оно открыто сознавало, что Народное Собраніе обусловливается предварительнымъ уничтоженіемъ правительства... Оно хотѣло, такимъ образомъ, вызвать Народное Собраніе для того, чтобы народъ самъ, собранный въ лицѣ своихъ избранныхъ довѣрителей, поставилъ главныя основы для своего новаго быта».

Средствомъ для достиженія этой цѣли должны были быть «крѣпко сплоченная и широко развѣтвленная организація пропагандистовъ» въ средѣ интеллигенціи, кото-

*) Въ „Народномъ Дѣлѣ“ № 23, стр. 33 и слѣд.

рая должна была способствовать «позднѣйшему образованию другой широкой *Народной Организациі вооруженныхъ борцовъ*, такъ какъ жизненный элементъ среди образованныхъ сословій... только одинъ и могъ нести въ народъ сознанный революціонный помысль».

Это чисто-политическое движеніе усложнилось связью съ польскимъ вопросомъ, въ которомъ въ это время не было и не могло быть ничего социальнаго. Протесты противъ подавленія народностей польской и украинской входили важнымъ элементомъ въ студенческія движенія начала 60-хъ годовъ. Если, по словамъ „Народнаго Дѣла“ (стр. 35), партія „Земли и Воли“ признавала своимъ долгомъ «подготовленіе революціи въ Россіи на коренныхъ социалистическихъ началахъ», то не видно ни изъ какихъ данныхъ, чтобы «тайное потебневское общество» или «офицерскій комитетъ» имѣли въ виду классовую борьбу представителей труда и капитала. Не социалистическая пропаганда, а обвиненіе въ политическомъ заговорѣ было выставлено противъ М. Л. Михайлова, противъ Н. Г. Чернышевскаго, противъ Николая Серно-Соловьевича для ихъ ссылки въ Сибирь. Лишь съ разрушеніемъ этой политической комбинаціи, опиравшейся, по плану участниковъ, на организацію революціонной интеллигенціи, социальный вопросъ опять выступаетъ на первый планъ, вслѣдствіе все большаго усвоенія убѣжденія, что интеллигенціи приходится, при самой своей организаціи, опираться на народъ. Въ 1864—66 годы, рядомъ съ организаціей «Ишутинцевъ»; тѣ же самые революціонные кружки, изъ которыхъ вышелъ Каракозовъ, начинаютъ пропаганду среди народа, сперва чисто культурную, заводятъ школы для обученія безграмотныхъ, сближаются съ народомъ въ ассоціаціяхъ, въ ремесленныхъ, даже фабричныхъ предпріятіяхъ. Когда 4 апрѣля 1866 г. *) вызываетъ разгромъ и этихъ организаціонныхъ попытокъ, то обличено безсиліе лишь ихъ *политической* стороны; но молодые люди, идущіе въ тюрьмы, въ Сибирь, водворенные въ разные глухіе углы Россіи, уносятъ съ собою повсюду уже болѣе опредѣленные убѣж-

*) Выстрѣлъ

зова. Прим. издат. ~

денія относительно задачъ своей дѣятельности. Это— первое проявленіе агитационнаго *народничества*: надо итти въ народъ; надо сближаться съ народомъ, уясняя себѣ его потребности; лишь этимъ путемъ можно помочь печальному положенію отечества. Теперь въ немъ каждую минуту диктаторомъ отъ имени императора можетъ явиться Муравьевъ. Либеральныя реформы, сегодня дарованныя, могутъ быть завтра отняты по волѣ каприза или случайнаго раздраженія Теперь и временное дозволеніе сравнительно большей свободы слова, преподаванія, ассоціаціи обращаются въ Россіи въ ловушку для тѣхъ, кто думаетъ воспользоваться этимъ кажущимся либерализмомъ. Теперь, наконецъ, народъ, лишенный средствъ ознакомиться съ общественными задачами и съ заграничными попытками рѣшить ихъ, лишь потому остается безсильнымъ передъ своими эксплуататорами, что не знаетъ существенныхъ условій этой эксплуатации. Задачи пропаганды въ народъ, лишь случайно прерванной политехническими попытками интеллигенціи, оставались главными задачами новаго поколѣнія, а, вслѣдствіе историческаго теченія, именно въ эти годы охватывавшаго все съ большею силою цивилизованный міръ, эта пропаганда должна была неизбѣжно проявлять все болѣе опредѣленно *соціалистическій* характеръ. Когда позже теченіе соціалистическаго народничества, обнаруживъ свои недостатки, снова смѣнилось теченіемъ, въ которомъ политическіе вопросы стали рядомъ съ экономическими (въ эпохи второй «Земли и Воли» и «Народной Воли»), это позднѣйшее движеніе не могло уже представить въ своей комбинаціи этихъ вопросовъ ту случайность и неопредѣленность, которую мы замѣчаемъ въ предыдущія эпохи 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ. Передъ поколѣніемъ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ была уже вполне прочная и ясно-сознанная почва принциповъ рабочаго соціализма, выработанная въ срединѣ 70-хъ годовъ. «Кающіеся дворяне» и люди, рѣшившіеся «уплатить свой долгъ русскому народу» изъ неопредѣленныхъ «нигилистовъ» и «народниковъ», въ существенныя воззрѣнія которыхъ элементъ соціалистическій входитъ рядомъ съ другими, сдѣлались вполне сознательными соціалистами, участниками великой борьбы классовъ,

которая охватывала міръ. *Это* именно было дѣломъ середины 70-хъ годовъ, т. е. эпохи, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

До сихъ поръ всѣ политическія и умственныя движенія въ нашемъ отечествѣ выростали изъ элементовъ, переданныхъ намъ съ запада, хотя можно разглядѣть при этомъ перенесеніи общечеловѣческихъ идей на русскую почву, характеристическія особенности, обусловленныя специальною средою, встрѣчаемою этими идеями на новой почвѣ, причѣмъ уже проявлялось иногда и обратное дѣйствіе. Но общеисторическое теченіе и не можетъ уклониться отъ этого фатальнаго условія. Если московское царство и Петербургская имперія употребляли всѣ усилія, первое, чтобы не дать развиваться въ Россіи критической мысли, и вторая, чтобы заимствовать изъ цивилизованныхъ странъ исключительно пріемы техники и полицейское управленіе, то не мудрено, что прогрессъ въ Россіи могъ имѣть мѣсто лишь путемъ перехода въ Россію идей, выработанныхъ тамъ, гдѣ онѣ имѣли возможность выработаться.

Принципы социализма не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія. И они пришли къ намъ съ запада, въ той послѣдовательности, какъ они тамъ появились.

„Изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сень-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржа Занда, лилась на насъ вѣра въ человечество; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ *)“.

Уже то обстоятельство, что тутъ фигурируетъ „въ особенности Жоржъ Зандъ“, указываетъ, что экономическій вопросъ въ этомъ первоначальномъ русскомъ социализмѣ былъ заслоненъ другими.

Точно также впоследствии Фейербахъ былъ для социалистовъ 60-ыхъ годовъ болѣе непосредственнымъ учителемъ, чѣмъ Лассаль и Марксъ; манифестъ же коммунистовъ 1847 г., съ его опредѣленною постановкою

*) Щедринъ: „За рубежомъ“.